

ЭКСКЛЮЗИВ

МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ: *Культура.*
“Не мсти, Слава, 1996.-20 апр.-с.1
но защити права музыкантов!”

Одним из самых счастливых в своей жизни назвал Мстислав Ростропович день победы над американскими компаниями “Коч интернэшнл” и “Рашн диск Америка”, которым два года назад предъявил иск по обвинению в нарушении его авторских прав. Суд Южного округа штата Нью-Йорк, где слушалось дело, постановил вынести бессрочный запрет на изготовление, выпуск или продажу каких-либо звукозаписей, включающих выступления М.Ростроповича и Г.Вишневской до 1972 года, без их разрешения. Компакт-диски с подобными записями, выпущенные в свет фирмами-ответчицами, были переданы истцу, заявившему о своем намерении их уничтожить. Всего на два дня заглянувший в Москву Ростропович дал эксклюзивное интервью нашей газете, которое начал с торжественной демонстрации ставшего уже историческим снимка, — маэстро, безжалостно попирающий ногами злосчастные диски...

— Вы так радуетесь тому, что зло было по-срамлено и наказано?

— А чем не повод для радости! Однако дело не только в этом. “Не мсти, Слава, — сказал я себе, — но защити права музыкантов!”

Волна, которую подняла перестройка, как и полагается, несет с собой не только “розы”, но и всякий мусор. На поверхность вышло множество людей с особым чутьем на то, что плохо лежит. А наши старые записи, как оказалось, лежат очень плохо. Тут организовалось да-

же что-то вроде соревнования: кто первый “подберет”, издаст, продаст и т.д. и т.п.

Когда мы записывали пластинки для “Мелодии”, то получали какие-то копейки, а потом уже ни на проценты, ни на контроль за дальнейшей судьбой своих записей права не имели. А когда нас записывало радио с концертов, уже и вовсе ничего не получали. И нас не спрашивали, хотим ли мы делать запись, просто ставили микрофоны... Но речь не о процентах, не это главное.

(Окончание на 10-й стр.).

“Не мсти, Слава, но защити права музыкантов!”

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Пятьдесят шесть лет из прожитых шестидесяти девяти я играю, выступаю перед публикой. И за все эти годы у меня никогда не было ощущения: все, достиг, подступился к вершине! Что бы я ни играл, что бы ни делал, всегда знаю, как это сделать лучше. Постепенно сверяюсь со своим художественным вкусом. Поддерживаю в себе необходимый уровень. А это очень-очень трудно!

Так кирпичик за кирпичиком выстраивается свое здание, создается своя идеальная модель служения музыке, существующая в вашем воображении, сердце, и вот откуда ни возмись появляется человек и начинает тиражировать совершенные вами ошибки. Вся ваша жизнь — музыкальная жизнь, которую вы вот так тщательно выстраивали, вдруг попадает в чужие руки!

Моя, в частности — мои пластинки то есть, — попала в руки Орбеляна, акционера “Рашн диск”. Какую совесть должен иметь человек, считающий себя музыкантом, чтобы не спросить у своего коллеги, что тот хочет публиковать, а что нет! Ведь мы же должны соблюдать свою “клятву Гиппократа”, свой кодекс музыкантской чести. А если эти слова для тебя — пустой звук, ты не музыкант.

Слава Богу, справедливость восторжествовала. Иначе и быть не могло — я ведь еще жив пока. Мертвому, конечно, было бы труднее — как намаялась Елена Гилельс, пытаясь отстоять музыкальные интересы своего покойного отца! Так вот, пока я жив — хочу, чтобы все это знали! — я не отступлюсь от своих прав. Как отступились многие наши музыканты в деле Тристана Дэла: сначала подписывали письма против, а затем снимали свои подписи. Кстати, с Дэлом я тоже “пересекался” — в Канне, на МИДЕМе. Он дал мне письменное обещание, что его фирма “USSU Art Group Inc” не будет использовать мои пластинки. В тот же день я увидел свои диски, выпущенные фирмой “Феникс”, как выяснилось, имеющей к нему самое непосредственное отношение.

— Как, при каких обстоятельствах вы узнали о существовании “пиратских” компакт-дисков? И почему только сейчас празднуете победу, ведь процесс закончился в январе?

— После какого-то концерта меня попросили расписаться на конверте такого диска. Вот так и узнал. А победу праздную сейчас потому, что с января не был в Америке. Апофеозом моего торжества было возвращение из магазинов 8 тысяч дисков. Конечно, это далеко не всё, что-то уже разошлось по миру. Сам видел такие пластинки в продаже в Токио, а судебный процесс тогда уже шел полным ходом. И тем не менее буду очень рад тому, что хоть эти восемь тысяч пойдут под бульдозер.

— Неужели совсем не жалко? И вообще, какие чувства испытывает человек, попирая ногами им же исполненную музыку?

— Чувство глубокого удовлетворения. Изданы эти диски безобразно. Концерт Шостаковича, например, “сложен” из двух разных исполнений. Да я просто возненавидел эти пластинки! Когда меня просили дать на них автограф, говорил: “Извините, не могу к этому прикоснуться”.

— В 78-м году вы приняли участие в забастовке музыкантов возглавляемого вами Национального симфонического оркестра. Дирижер, вме-

Павлом VI. И он мне сказал: “У вас теперь только одна проблема в жизни”. Это было вскоре после нашего вынужденного отъезда из СССР, я находился в крайне подавленном состоянии, не знал, в какой стране мы будем жить, как сложится судьба наша и наших детей. И вдруг оказалось, что у меня всего-то одна проблема! Я спросил: “Ваше Святейшество, может быть, вы мне скажете, какая же?” Он сказал: “Вы уже стоите не на земле, вы стоите на лестнице между Богом и землей, между небом и землей. И ваша проблема, что бы вы ни делали, подумать: я сейчас сделаю шаг

сте со своими оркестрантами пикетирующий вход в Кеннеди-центр, — это произвело сильное впечатление на Совет директоров НСО. И Совет уступил требованиям музыкантов увеличить срок действия их контрактов с одного года до трех. Это был единственный такой случай в вашей жизни? Как часто, борясь за справедливость, вы попадали в экстремальные ситуации? И какую свою победу в этой борьбе считаете самой главной?

— Что касается участия главного дирижера в забастовке музыкантов, думаю, это был единственный случай не только в моей жизни, но и в жизни Соединенных Штатов. А победы свои не подсчитывал. Дело ведь не в борьбе и не в победах, а в том, чтобы жить по совести, иметь свою позицию и ни на шаг не отступать от нее. Так я старался поступать всегда. В 74-м году, оказавшись в Италии, я дирижировал оркестром RAI, мы с Вишневской получили приглашение на встречу с Папой

вверх по лестнице или шаг вниз”. Вот когда думаешь об этой лестнице, жить довольно легко.

— Мстислав Леопольдович, недавно произошло, наверное, одно из самых значительных событий в вашей жизни — в Лионе состоялась премьера оперы “Галина” Марселя Ландовски. Что вы можете сказать об этом спектакле? И вообще, каково это, когда тебя и твою жену представляют на сцене?

— Пожалуй, это было одно из самых странных событий... Ландовски, безусловно, талантливый композитор и еще более талантливый драматург — как Массне. Он хорошо все это выстроил. Исполнительницу роли Вишневской я слушал и наблюдал с большим интересом. А что до меня самого, то, слава Богу, тенором я не запел. Вообще появляюсь только один раз: оборачиваюсь вслед проходящей мимо Галине и смотрю на ее ноги. Эту мизансцену, как я выяснил, придумала моя жена. Говорит, что она для меня ха-

рактерна. Так что меня самого на сцене нет, но постоянно звучит “моя тема” — соло на виолончели. Бах.

— 27 марта вы отпраздновали свой день рождения. Как?

— Мы с Галиной были в Токио. В этот день нас пригласил к себе император. Кроме императора и его супруги, был еще мой большой друг Сейджи Озава, тоже со своей женой.

— О чем вы беседовали с императором?

— Как вы думаете, о чем будут беседовать два человека, если они оба любят играть на виолончели?

— Когда вы предполагаете выступить в Москве?

— В ноябре. Это будет концертное исполнение “Леди Макбет Мценского уезда” Шостаковича в Большом зале консерватории. Приедет оркестр Санкт-Петербургской филармонии. Я,

естественно, встану за дирижерский пульт.

— Как складываются сейчас ваши отношения с Большим театром?

— Наблюдаю со стороны, что там происходит. А как будут складываться в дальнейшем... Поживем — увидим. Что касается наших совместных проектов с Владимиром Васильевым, то на 97-й год у нас было запланировано турне Литовского балета. Предполагалось показать в нескольких странах совершенно замечательную, на мой взгляд, постановку Васильева — балет “Ромео и Джульетта”. Я очень люблю эту музыку, с удовольствием дирижировал этим балетом и с удовольствием продиржирую вновь.

— Раз вы пожелали дать интервью именно “Культуре”, можем ли мы сделать вывод, что вы любите нашу газету?

— Люблю. Выписываю на два адреса. Но что еще важнее — читаю.

Беседовала
 Наталья ШАДРИНА.